

agentura.ru

Расследования Новое дворянство

СВР: смена имиджа

Как советская внешняя разведка, справедливо опасаясь люстрации, задумала и успешно реализовала план по изменению своего имиджа. Этот план позволил СВР избежать реформы.

РИА Новости / Пресс-служба Российского исторического общества

28 сентября, 2021

Отрывок из книги: «Свои среди чужих: Политические эмигранты и Кремль: Соотечественники, агенты и враги режима» А.Солдатова и И.Бороган

Сентябрь 1992 г., Москва. Директор ЦРУ поднялся со своего места с бокалом в руке. Перед ним за длинным столом в просторном зале особняка **СВР** в Колпачном переулке напротив друг друга сидели десять американцев и десять русских. Роберту Гейтсу только что исполнилось 49 лет, из них 26 он прослужил в разведке и Совете национальной безопасности, занимаясь в основном советской угрозой, и несколько месяцев назад президент Джордж Буш-старший назначил его директором ЦРУ. «Я хочу предложить тост», — сказал он.

Между собой американцы окрестили этот бело-голубой особняк домом Берии. (На самом деле в свое время этот дом принадлежал не зловещему шефу НКВД, а другому — не менее кровавому — министру государственной безопасности Виктору Абакумову.) Теперь особняк использовался СВР для встреч с представителями прессы и американцами.

Гейтс прилетел в Москву, чтобы наладить контакты между разведками США и России. В честь его приезда СВР и российское контрразведывательное агентство, которое вскоре станет известно как ФСБ, устроили в особняке в Колпачном торжественный обед. «Сегодня я здесь, — начал Гейтс, — потому что отношения между нашими странами требуют сотрудничества наших спецслужб в областях, представляющих взаимный интерес. Настало время, когда мы должны перевернуть страницу истории — разумеется, не забывая о наших прошлых и настоящих различиях, — и совместными силами взяться за устранение угроз, с которыми мы сталкиваемся с наступлением новой эпохи».

Русские генералы довольно улыбались. Концепция «сотрудничества» как нельзя лучше вписывалась в новый имидж СВР.

В следующем году директор СВР Примаков полетел в США. Руководитель разведки такого уровня прибыл в Америку впервые после поездки туда Крючкова. Но Крючков приезжал в тайне, под видом обычного дипломата; Примаков же прилетел с официальным визитом, и в Вашингтоне встретился с Джеймсом Вулси, директором ЦРУ в новой администрации Билла Клинтона. В следующем месяце Примаков принимал Вулси в Москве.

На одной из встреч ЦРУ и СВР, среди прочего, договорились отказаться от тактики активных мероприятий. «Это было джентльменское соглашение между американской и российской спецслужбами», — рассказал нам бывший сотрудник СВР. Служба «А» официально была распущена — по крайней мере так уверяли российские коллеги.

«Между нами никогда не было письменного соглашения, — подтвердил Рольф Моватт-Ларссен, который возглавлял московскую резидентуру ЦРУ в начале 1990-х гг. и присутствовал на том самом обеде в Колпачном переулке. — Просто еще к концу 1980-х гг. и они, и мы поняли, что следует действовать осторожно, дабы не сорвать переговоры между Горбачевым и Рейганом».

Теперь перед СВР стояла новая задача — завоевать доверие американцев. Для этого ей нужно было улучшить свой имидж в глазах западной общественности. Тщательно продуманный план у российской разведки уже был: в Ясенева над ним начали работать еще до распада Советского Союза, и вот четыре года спустя, в 1993 г., наконец-то пришло время воплотить его в жизнь.

Но эта четырехлетняя задержка почти все испортила.

К 1993 г. Россия изменилась до неузнаваемости. Теперь это была страна рынка, почти без правил и сантиментов. Люди, работавшие на государство, в том числе и во внешней разведке, разом лишились всех социальных гарантий, и комплекс в Ясенева с его тщательно охраняемыми магазинами и массажными кабинетами ветшал на глазах. Умные и оборотистые оппортунисты целыми отделами увольнялись из СВР.

Среди тех, кто решил попробовать поймать удачу в другом месте, был ловкий и общительный молодой офицер Александр Васильев. Бывший капитан Североамериканского отдела Первого главного управления, он устроился журналистом в популярную газету «Комсомольская правда».

Летом 1993 г. 31-летний Васильев, улыбочивый, круглолицый человек с длинными светлыми волосами, опубликовал сенсационную статью. В ней рассказывалось об одном из самых успешных за всю историю КГБ активных мероприятий службы «А»: в середине 1980-х гг. индийская газета *Patriot* напечатала статью, в которой утверждалось, будто вирус СПИДа разработал Пентагон в рамках «экспериментов по созданию нового и опасного вида биологического оружия». История мгновенно разлетелась по всему миру, и миллионы людей поверили в заговор американских военных.

Журналист «Комсомольской правды» был не первым, кто разоблачил эту дезинформацию КГБ: на Западе о ней знали уже несколько лет. Но Васильев стал первым, кто получил подтверждение этой истории из уст самого директора внешней разведки Евгения Примакова. Однако гораздо важнее было другое: автор статьи утверждал, что эту дезинформацию КГБ запустил в ответ на распространение ЦРУ ложных слухов о том, что КГБ стоял за покушением на папу Иоанна Павла II. Другими словами, в материале Васильева американские и советские спецслужбы представляли как равные друг другу противники, которые просто обменивались ударами, и активное мероприятие КГБ выглядело как логичный ответ на атаку ЦРУ. Служба внешней разведки могла быть довольна: такой взгляд вполне соответствовал придуманной ей легенде.

На следующий день после выхода статьи Васильеву позвонил руководитель пресс-бюро СВР Юрий Кобаладзе. Он пригласил бывшего коллегу в бело-голубой особняк в Колпачном переулке «поговорить». «Я думал, с меня сдерут шкуру за эту статью», — вспоминал Васильев. Но вместо этого Кобаладзе сделал ему деловое предложение. Он объяснил, что СВР запускает амбициозный издательский проект: Ассоциация ветеранов внешней разведки договорилась с Альберто Витале, главой издательства Random House, о публикации серии из пяти книг об операциях разведки КГБ в годы холодной войны. Кобаладзе предложил Васильеву присоединиться к команде.

Первую подобную книгу КГБ помог издать еще до распада Советского Союза. Это была история самого известного перебежчика сталинского времени — Александра Орлова (кстати, начальник Наума Эйтингона в Испании). Авторов было двое: сотрудник КГБ и британский историк Джон Кастелло. Книга пользовалась успехом, поэтому СВР решила заключить контракт еще на пять книг. Первую планировалось посвятить деятельности советской разведки в США в 1930–1940-е гг. Вторую — противостоянию КГБ и ЦРУ в Германии в эпоху холодной войны. Третью — разведывательным операциям в Великобритании до и во время Второй мировой войны. Четвертую — Карибскому кризису, и наконец, последнюю, пятую — истории убийства Льва Троцкого. Каждую книгу должны были писать два автора — российский и западный. Принципиальное согласие Random House в СВР получили в июне 1992 г., и с тех пор Кобаладзе искал подходящего соавтора для первой, самой щекотливой книги об операциях КГБ в Соединенных Штатах. В конце концов его выбор пал на Васильева.

Договариваясь о публикации книг, СВР четко знала, чего хочет: выпустить для западной аудитории хорошо отретушированную версию своей кровавой истории, а авторитетные американские и британские историки в качестве соавторов придадут ей респектабельность. СВР не собиралась давать западным исследователям прямой доступ к секретным документам КГБ — это было позволено только российским авторам, в основном бывшим или действующим сотрудникам внешней разведки. Короче говоря, руководство СВР собиралось жестко контролировать весь процесс написания книг, причем с самого верха. «Примаков лично руководил из Ясенева переговорами на заключительном затянувшемся этапе», — вспоминал Джеймс

О’Ши Уэйд, который в то время был вице-президентом подразделения Crown Publishing издательства Random House и вел проект с западной стороны.

Проект позиционировался как уникальная возможность заглянуть в секретные архивы КГБ, но не все на Западе купились на это объяснение. В Ясенево очень хотели привлечь в соавторы британского журналиста Филлипа Найтли, который прославился своими расследованиями деятельности английских спецслужб, и очень критично к ним относился — именно он в 1960-х гг. первым разоблачил советского двойного агента Кима Филби как офицера британской разведки, которого до этого англичане называли просто дипломатом.

Найтли с тех пор поддерживал контакты с Филби, приезжал к нему в Москву, и написал его биографию. Но Найтли отказался принять участие в написании книги о «кембриджской пятерке». Он справедливо опасался, что инициатива СВР преследует чисто пропагандистскую цель. Когда в 1993 г. вышла книга об Орлове, Найтли публично назвал ее дезинформацией.

Сидя в кабинете Кобаладзе, Васильев обдумывал предложение. Он почти ничего не знал о деятельности КГБ в Соединенных Штатах. «Конечно, мне было известно о суде над Розенбергами, но ничего больше. В мое время в Ясенево все архивы были строго засекречены. Чтобы получить к ним доступ, требовалось специальное разрешение начальства. А на фоне всех этих скандалов с перебежчиками и предателями в конце 1980-х гг. никто не хотел навлекать на себя подозрения, пытаюсь узнать больше, чем тебе полагается». Интуиция подсказывала Васильеву, что «все это [издание книг] было очередной «активкой». Они просто хотели одурачить американцев». Он не хотел становиться пешкой в чужой игре. Когда он напомнил Кобаладзе, что больше не является сотрудником СВР, тот заверил бывшего коллегу, что он получит доступ к подлинным документам КГБ: Васильеву не придется довольствоваться той информацией, которую ему соизволят предоставить действующие сотрудники.

Что ж, подумал Васильев, в таком случае у него есть шанс сделать что-то действительно важное, заработав на этом неплохие деньги. Он искренне считал, что операции сталинской разведки в США заслуживают того, чтобы ими гордиться — и рассказать о них людям. «Там нечего было стыдиться. Это было славное прошлое — наша разведка украли секрет ядерной бомбы и изменила ход мировой истории. К тому же она действительно не участвовала в репрессиях», — сказал нам Васильев.

Именно такую версию своей истории СВР и хотела представить западной общественности. Бывший сотрудник разведки, Васильев был воспитан на этой легенде и верил, что документы КГБ ее подтвердят. Казалось, Кобаладзе не ошибся с выбором автора.

Они с Васильевым ударили по рукам.

Следующие два года Васильев каждый день с девяти утра до пяти вечера проводил в бело-голубом особняке СВР в Колпачном переулке. Он делил стол с еще одним «историком», действующим офицером СВР, который работал над книгой о разведывательных операциях в Британии — той самой, писать которую отказался Найтли. День за днем Васильев изучал объемистые папки с документами, которые доставляли из Ясенева по его запросу.

Как бывший сотрудник Ясенева, прекрасно знающий внутренние процедуры КГБ, Васильев знал, что просить. Он охотился за бледно-зелеными и коричневыми папками с пожелтевшими листами внутри — так называемыми делами оперативной переписки, сокращенно ДОП. В этих папках скрывались настоящие сокровища: зашифрованные телеграммы, которыми на протяжении десятилетий обменивались советские шпионы в США и московский Центр. Это была важнейшая и до сих пор неизвестная часть истории советского атомного шпионажа. (Среди прочего, там были и донесения Василия Зарубина и Лизы Горской. Именно благодаря Васильеву мы сегодня знаем подробности того, как Зарубин выкручивал руки Якову Голосу, требуя сдать агентуру.)

Изучая документы, Васильев все тщательно переписывал в тетрадь. Когда у него заканчивалась тетрадь, ему разрешали забрать ее домой. В общей сложности он заполнил восемь тетрадей.

Доверяя своему бывшему товарищу по оружию, Кобаладзе не стал брать с Васильева подписки о неразглашении. Это было его первой ошибкой.

Руководство СВР попросту упустило из виду тот факт, что в 1990-х гг. разведка не пугала людей так, как это делал КГБ. Советский режим давно кончился, и у СВР не было такой же страшной репутации, как у ее предшественника. Еще одну ошибку СВР допустила, когда не предложила Васильеву денег за работу: весь гонорар за книгу должен был выплатить американский издатель.

Таким образом, Васильев, не связанный никакими обязательствами, был вольной птицей. В январе 1996 г. бывший разведчик понял, что у него в руках настоящее сокровище — и пришло время действовать. Позже он утверждал, что у него возникло нехорошее предчувствие: «В СВР действовала тайная ячейка компартии, и они начали мне угрожать». Но, скорее всего, причина была куда банальнее. В этом месяце главу СВР Примакова перевели из Ясенева в высотку МИДа на Смоленской, назначив министром иностранных дел, и Васильев мог просто испугаться, что после ухода его главного покровителя Служба внешней разведки закроет проект и потребует вернуть все его записи.

Васильев отсканировал свои тетради и спрятал дискеты у друзей. Благодаря знакомствам в посольстве Великобритании он быстро получил британские визы для себя и жены и вылетел в Лондон. С собой в ручной клади Васильев вез ноутбук — совершенно пустой, поскольку подозревал, что в московском аэропорту Шереметьево его могут обыскать и начнут с ноутбука, — и несколько дискет с электронной версией его драгоценных тетрадей.

Перебравшись в Великобританию, Васильев с помощью американских историков превратил свои записи в две книги о деятельности советской разведки в США в 1930–1940-е гг. Эти книги — «Лес с привидениями: советский шпионаж в Америке — сталинская эра» (1998) и «Шпионы: взлет и падение КГБ в Америке» (2009) — стали самыми шокирующими разоблачениями из всех, что были опубликованы на эту тему до тех пор.

Васильев не был ни героем, ни борцом за правду. Он просто увидел возможность и не преминул ею воспользоваться. Но то, что он сделал, помогло пролить свет на одну из самых засекреченных в мире организаций. В 2009 г. его тетради, переведенные на английский язык, были оцифрованы опубликованы на сайте Международного научного центра имени Вудро Вильсона. Наконец-то Соединенные Штаты получили из самого Ясенева доказательства того, какую важную роль играла Коммунистическая партия США в советском шпионаже — что всегда категорически отрицали в советской и российской разведке. Одновременно с этим была восстановлена репутация некоторых видных американских физиков-ядерщиков, особенно руководителя Манхэттенского проекта Роберта Оппенгеймера, который, как выяснилось, никогда не был советским агентом.

То, что задумывалось как хитроумная пропагандистская кампания, обернулось для СВР катастрофой. Васильеву даже не пришлось становиться перебежчиком — он просто улетел из страны. Времена изменились, границы были открыты, но российские спецслужбы слишком медленно осознали новые реалии. А между тем книги, как и прежде, продолжали работать.

В СВР так растерялись, что даже не попытались начать уголовное преследование в отношении Васильева. «Я не предатель, они сами меня пригласили!» — с улыбкой объяснял нам Васильев из своего дома в Великобритании. Действительно, если бы разведка решила на расследование, ее руководство первым попало бы под удар, а этого никто не хотел. Васильева оставили в покое, но в Москву он так и не вернулся.

Из пяти книг, запланированных СВР, вышло всего четыре — если считать первую, за авторством Васильева. Книга об убийстве Троцкого так и не была написана — скорее всего, в Ясенево решили, что не готовы раскрыть архивы КГБ, связанные с убийством самого знаменитого советского политического эмигранта. Секреты Наума Эйтингона остаются надежно спрятаны — и возможно навсегда.

Тогда казалось, что провалившаяся «книжная» операция — это последняя инициатива старой гвардии, попытка уходящего поколения повлиять на то, какими их запомнит история. В конце концов, в то время все высшие должности в Ясенево еще занимали генералы, сделавшие карьеру в КГБ. А старую собаку, как говорится в поговорке, новым трюкам не научишь.

Но прошли годы, и стало ясно, что даже уход старой гвардии мало что изменил: новые российские службы контрразведки и разведки не собирались отказываться от старых привычек.

В конце 1990-х гг., когда мы только начали писать о российских спецслужбах, мы постоянно слышали от более опытных коллег, что те, как и раньше, активно занимаются дезинформацией, хотя подробностей никто не знал. По слухам, теперь операции подобного рода назывались не активными мероприятиями, а программами содействия или операциями содействия — считалось, что они должны так влиять на политику или позицию иностранных правительств, чтобы «содействовать» проведению кремлевского курса.

В 1999 г. слухи подтвердились. Как ни странно, это произошло благодаря самой Федеральной службе безопасности. На встрече с журналистами начальник Центра общественных связей ФСБ с гордостью сообщил, что назначен главой нового подразделения — Управления программ содействия, в которое вошла и пресс-служба. Многие сотрудники ФСБ были возмущены: их собственный генерал выдал секретный термин, предназначенный только для внутреннего использования.

Еще через десять лет появились документальные свидетельства о том, какие именно операции по дезинформации проводит ФСБ. Летом 2010 г. группа разочарованных сотрудников ФСБ организовала утечку документов, которые свидетельствовали о том, что за дезинформационной кампанией на Украине, организованной с целью помешать Киеву отказаться от закупки российского газа в пользу туркменского, стояла ФСБ. В украинских СМИ была запущена ложная история о том, что украинские спецслужбы якобы финансировали туркменскую оппозицию. После распада СССР минуло почти 20 лет, но ФСБ продолжала использовать старый инструментарий КГБ.

А что же внешняя разведка — продолжали ли в СВР использовать тактику ПГУ КГБ? Это было непросто выяснить: СВР, как оказалось, хранила свои секреты гораздо лучше, чем ФСБ. Но весной 2013 г., спустя двадцать лет после того, как Роберт Гейтс поднял тост за новую эру сотрудничества между разведками США и России, появился ответ на этот вопрос.

В довольно уродливой бетонной высотке на 67-й улице между Третьей и Лексингтон-авеню есть много разных офисов, в том числе и тот, что среди посвященных известен как «подводная лодка».

Официально в этом 12-этажном здании находится постоянное российское представительство при Организации Объединенных Наций. Это настоящая крепость: построенное в начале 1960-х гг., здание тщательно охраняется — высокая ограда, камеры видеонаблюдения, расположенные под всеми мыслимыми углами. На другой стороне улицы находится отдел нью-йоркской полиции, поэтому неподалеку от входа в здание с российским триколором всегда стоят несколько полицейских машин.

В один майский день в 2013 г. на восьмом этаже этой высотки два офицера российской разведки вели важный разговор. Восьмой этаж занимает резидентура СВР в Нью-Йорке, — и это крепость внутри крепости. Здесь нет ни окон, ни телефонных линий, которые связывали бы резидентуру с внешним миром. Из-за утолщенных стен и перекрытий потолки здесь существенно ниже, чем на других этажах, а системы электроснабжения и вентиляции автономны, чтобы предотвратить возможность установки жучков, поэтому резидентура и стала известна как «подводная лодка».

Два занятых разговором офицера СВР сидели без пиджаков. В «подлодке» много лет действовало строгое правило: оставлять всю верхнюю одежду и пиджаки в гардеробе восьмого этажа на случай, если американцы незаметно подсунут в одежду жучок.

«Женя подготовил, так сказать, предложение», — начал первый.

«Угу», — пробурчал второй.

« Я должен его сейчас обработать», — продолжил первый.

« О чем оно?» — спросил собеседник.

«Я вам уже говорил, он набросал предложение по самолетам Бомбардье».

Речь шла о канадской компании Bombardier, производителе самолетов и космической техники, которая вела переговоры с российским правительством о возможном совместном проекте. Первый офицер объяснил, что задача была построить в России завод по сборке среднемагистральных лайнеров.

«Так в чем его идея?» — поинтересовался второй.

Внутри «подлодки» офицеры были полностью уверены в том, что они надежно защищены от чужих ушей, и говорили в открытую. Но они не учли человеческий фактор.

Где-то среди бумаг в кабинете лежала папка-скоросшиватель, принесенная на «подлодку» первым сотрудником. Недавно он завербовал ценного агента, и на днях получил от него первый трофей — аналитический отчет, представлявший интерес для российской разведки. Он не знал, что его новоиспеченный «актив» был агентом ФБР под прикрытием. В скоросшивателе переданной им папки был спрятан жучок, который теперь записывал разговор разведчиков о Bombardier.

Первый офицер продолжил обсуждать предложение Жени, которое ему явно нравилось. Женей звали Евгения Бурякова, заместителя директора нью-йоркского представительства российского госбанка, а на самом деле — сотрудника СВР. Буряков работал в банке под прикрытием — то есть не имел дипломатического иммунитета.

Первый офицер заметил, что с подписанием сделки между Bombardier и Москвой есть проблема: против нее выступают канадские профсоюзы. Но на профсоюзы можно надавить, и в этом и заключалось предложение Жени.

«Таким образом, — сказал он своему коллеге, — он предлагает провести МС, чтобы надавить на профсоюзы и добиться от компании решения в нашу пользу».

Так кто или что скрывается за этим таинственным «МС»?

Сергей Третьяков, высокопоставленный офицер КГБ/СВР и заместитель начальника резидентуры СВР в Нью-Йорке до осени 2000 г. (пока не попросил убежища в США), давно разрешил эту загадку. Еще в 2008 г. он утверждал, что джентльменское соглашение об отказе от проведения активных мероприятий, неформально заключенное российской и американской разведками еще в начале 1990-х гг., изначально было уловкой. «Мы сказали [американцам]: «Хорошо, теперь мы друзья. Мы прекратим это делать», — и СВР закрыла службу «А», — рассказывал Третьяков. — Но служба «А» просто сменила название. Она стала Управлением МС, а «активные мероприятия» превратились в «мероприятия содействия», сокращенно МС». «В СВР за них отвечали те же самые люди, кто занимался ими в КГБ», — добавил Третьяков.

Таким образом, МС, о котором говорили в «подлодке» в мае 2013 г., было все тем же «активным мероприятием» из старого арсенала КГБ.

В январе 2015 г. ФБР арестовало Бурякова как иностранного агента, а два сотрудника российской разведки, неосторожно обсуждавшие его предложение в «подлодке», покинули Соединенные Штаты. Буряков признал себя виновным и был приговорен к 30 месяцам тюрьмы. В апреле 2017 г. его досрочно освободили и отправили в Москву самолетом «Аэрофлота».

Через два десятилетия после распада Советского Союза на смену старой гвардии пришло новое поколение российских разведчиков. Хотя у многих из них не было опыта работы в КГБ (Бурякову было всего 16, когда рухнул СССР), дух организации мало изменился. Сотрудники постсоветской разведки продолжали держаться старых традиций и методов работы. Российская разведка оказалась самовоспроизводящейся системой.

Дезинформация была и остается важнейшим методом на вооружении российской разведки, ключевым инструментом в арсенале ее средств. В 1990-х гг. внешняя разведка не стала отказываться от проведения активных мероприятий, увидев в этом лучший способ обеспечить свое выживание. Этот подход полностью себя оправдал. В 2000-е гг., сделав небольшой ребрендинг, разведка продолжила работать старыми методами и проводила активные мероприятия за границей точно так же, как это делала разведка КГБ в годы холодной войны.